

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

О НОВОМ ЭТАПЕ В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ АДЫГОВ

Культурная история адыгов, так же, впрочем, как и политическая, не восстановлена сколько-нибудь полно. Кроме субъективных причин есть здесь и объективные: скудость источников, малое число специальных исследований, на которые можно опереться, наконец,— это, пожалуй, самое главное,— сложность самой проблемы. Уместно в связи с этим вспомнить слова Дж. С. Белла, автора знаменитого «Журнала пребывания в Черкесии». «В действительности,— писал он,— большие трудности будут стоять на пути каждого, кто хотел бы изучить этот народ с точки зрения научной и философской, вследствие той непроницаемой завесы, которая скрывает от нас его происхождение и его древнюю историю... это мешает ему найти объяснение для многих особенностей, которые встречаются в их установлениях, обычаях, предрассудках и преобладающих склонностях... короче говоря, в их национальном характере. И к этой трудности всегда будет присоединяться другая почти равная ей — это точно установить, как чувствует и мыслит этот народ...»¹.

Не стоит доказывать, что отмеченные Беллом препятствия преодолены до сих пор лишь частично. И дело, очевидно, не только в объеме собранных и обработанных данных. В настоящее время не менее, скорее даже более актуально их осмысление. Нужен глубокий, квалифицированный анализ традиционной культуры адыгов, не узко эмпирический, а системный, предполагающий изучение одних фактов в тесной связи со множеством других, в том числе и типологически сходных, и самое главное, в контексте социальной и политической истории народа.

Печать этой вполне созревшей необходимости лежит на всех разделах двух недавно изданных книг З. М. Налоева: «Из истории культуры адыгов»² и «Джегуако и поэт»³, которая по существу является продолжением первой книги.

Не довольствуясь описанием явлений культуры—кстати сказать, детальным, скрупулезным,— автор стремится выявить их истоки, обосновать развитие и упадок. При этом он мастерски пользуется историко-генетическим и типологическим методами, обнаруживая отличное знание фольклора, этнографии и истории адыгов и многих других народов земного шара. Особенность книг З. М. Налоева и в том, что они содержат материал, достойный внимания представителей различных научных дисциплин: этнографов и историков, фольклористов и лингвистов, социологов и психологов. Проследившая путь от первых анонимных авторов песен, стихов, басен, рассказов до авторов, шагнувших в литературу, З. М. Налоев открывает перед нами широкую панораму быта, психологии, социальных и личных устремлений адыгов на протяжении нескольких столетий. Мы узнаем много полезного о мировосприятии и образе жизни крестьян и военно-феодалов, о гостеприимстве и этикете адыгов, о социальном положении и психологии женщины-горянки, об исторических событиях и их отражении в фольклоре. Подход к этим вопросам у З. М. Налоева, как правило, нешаблонный, позволяющий выявить новые грани факта, события, традиции.

Возьмем, например, интерпретацию обряда «чапш»⁴. Ученые, дореволюционные и советские, не раз обращались к данному самобытному явлению. Но они ограничивались всегда указанием на целебную функцию обряда — обеспечить скорейшее выздоровление больного. З. М. Налоев подходит к вопросу иначе. Целебную функцию обряда он признает первичной, конституирующей, но не единственной. В период расцвета феодальных отношений становится преобладающей ее вторичная функция — карнавальная. Победа карнавальной начала меняет характер и функции действующих лиц, весь словесный, жестовый, пантомимический маскарад обряда, а также, естественно, и песню — центральное звено теперь уже не столько целебной, сколько эстетической, игровой деятельности. Против этой концепции, опирающейся на известные положения М. М. Бахтина⁵, трудно что-либо возразить: она лучше всего объяс-

¹ Белл Дж. С. Журнал пребывания в Черкесии в 1837—1838 и 1839 гг. Лондон, 1840 (рукопись перевода с английского Н. А. Данкевич-Пушиной). Библиотека Кабардино-Балкарского ин-та истории, филологии и экономики, инв. № 172 — пер., с. 434.

² Налоев З. М. Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978, 191 с.

³ Заур Нало. Джегуакуэмрэ усакууэмрэ. Нальчик: Эльбрус, 1979. 162 н.

⁴ В этнографической литературе он известен как «обряд лечения больного».

⁵ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М.: 1965.

няет существенные изменения, происшедшие внутри обряда, особенно на последних этапах его бытования.

То же можно сказать и о связи, которую устанавливает З. М. Налоев между табу и метонимией. Автор вполне резонно, на наш взгляд, полагает, что корни метонимии следует искать в магических словесных запретах и возникающих на этой почве иносказательных обозначениях животных, людей, болезней, вещей и т. д. (см. 2, с. 14)⁶. Формирующаяся при этом техника иносказательной подачи мыслимого содержания ложится в основу чрезвычайно богатой системы образных средств адыгских языков. Эту технику подхватывает, с одной стороны, мощная волна устного народного и затем письменно-литературного творчества, а с другой — стихия повседневной разговорной речи, благодаря чему повышается потенциал ее выразительно-изобразительных возможностей. В этом процессе особенно важную роль З. М. Налоев отводит народным певцам и стихотворцам, пытаясь при этом дать их возможно более полную характеристику, проливающую свет на духовную атмосферу феодальной Черкесии в целом. Об этом свидетельствует, например, выдвигаемая автором гипотеза происхождения вольности народных певцов и поэтов — джегуако (освобождение их от многочисленных и обременительных предписаний феодального общества). Адыгские джегуако, так же как их собратья в других странах (русские скоморохи, тюркские акыны, французские жонглеры, немецкие шпильманы, испанские хуглары), были, по мнению З. М. Налоева, живыми и постоянными носителями обрядового карнавального мироощущения, его «продолжением... в будни» (1, с. 39). А обряд, по словам М. М. Бахтина, «дает право на известную свободу и фамильярность, на нарушение обычных норм общежития»⁷. Теперь понятно, почему джегуако пользовался необычной по тем временам свободой высказываний и личной неприкосновенностью. Князья и те не могли поколебать не совсем удобное для них status quo народных певцов.

Тема творческой личности — одна из центральных в работах З. М. Налоева последних лет. Кажется, что к народным певцам и поэтам он относится с некоторым пристрастием, приводящим к преувеличению их социальной значимости. Такое впечатление может создаться, например, при чтении раздела о роли джегуако в национальном и межнациональном общении, в механизме социальных связей и отношений феодальной Черкесии. Но оно сразу исчезает, как только мы начинаем созавать идею, которой служит социальный и психологический портрет джегуако. Это идея эволюции творческой личности в истории адыгов. Она объединяет по существу все разделы названных книг З. М. Налоева. Главная фигура первых этапов эволюции — джегуако. Потому ему и уделяется так много внимания.

Однако джегуако не заслоняет творческую индивидуальность других лиц, например женщин. «Женщины — творцы великих песен» — так называется один из разделов книги. З. М. Налоев вскрывает здесь социальные причины появления песен, сочиненных женщинами, песен, которые воспевают не подвиги доблестных рыцарей, не дальние походы их за добычей, а чувства (чаще всего трагические), вызванные тяжелой долей женщины, распространением ложных слухов о ней, смертью любимого человека, разлукой с ним и т. д. Это были лирические песни, резко противопоставленные по содержанию традиционным героическим песням. Их появление, относимое автором к концу XVIII в., было подготовлено всем ходом исторического развития адыгского общества, «первой брешью в средневековой, антигуманистической закрепощенности личности» (1, с. 77). Таким образом, впервые более или менее полно раскрылись ценность и глубина переживаний отдельной личности, наметилось ее освобождение от власти коллективных представлений.

Но почему именно в песне, а не в какой-либо другой, более естественной и свободной форме общения? З. М. Налоев считает, что песня, в понимании древних адыгов, обладала «особенной силой, делающей возможным высказывание таких желаний, таких мыслей и чувств, которые нельзя было выражать в обычной, обыденной форме и в обычных обыденных условиях, не рискуя потерять доброе имя и уважение соплеменников» (1, с. 68). С этим можно согласиться. В условиях «односторонней серьезности тона» (М. М. Бахтин), характерной для официальной средневековой идеологии, песня была не только формой самовыражения личности, но и средством защиты ее от оков средневековой морали, что так явственно выступает в так называемых очистительных песнях. Обычное, бытовое слово не могло защитить, реабилитировать незаслуженно униженную, оскорбленную личность, а песенное, поэтическое, в силу приписываемых ему магических свойств, — могло.

Идея самоценности песенного слова, о которой идет речь, сама по себе не нова, ее высказывал еще А. Н. Веселовский, ср.: «Песня — знание, а знание — сила: заговор обрядового певца, жреца принуждает богов проявить себя, подействовать: он властен над ними, его мановению повинуются природа»⁸. Надо думать, что, создавая очистительную песню, ее автор имел в виду не только людей, здесь была безусловно и апелляция к духам, демонам, богам, надежда на их понимание и благосклонность, защиту и покровительство. Эта сторона вопроса о статусе песенного слова не получила в книге должного освещения. Между тем именно «обожествление» песни, в смысле признания ее пригодности для воздействия на невидимые силы, в том числе и на бога, лежало в основе ее защитных функций. Автору можно пожелать в дальнейшей работе расширить исследование сферы социальных запретов, порождающих метонимические замены, в

⁶ Здесь и далее ссылки на рецензируемую книгу даются в тексте с указанием «1» — для первой книги, «2» — для второй.

⁷ Бахтин М. Указ. раб., с. 218.

⁸ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: ГИХЛ, 1940, с. 332.

частности многочисленных запретов на имена и обозначения людей внутри родственного коллектива. Желательно устранить и вкравшиеся в текст досадные неточности такого, например, типа: «Женщина, даже аристократка, забитая и лишенная общественно-политических прав и бессловесная, была заперта в четырех стенах» (1, с. 61), кабардинец «испокон веку был воином, витязем, а не политиком» (1, с. 110).

Наиболее серьезные возражения вызывает у нас интерпретация содержания и жанровой специфики «Истории адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова. Достоинство этого раздела в том, что, делая акцент на историко-литературной значимости «Истории», автор открывает по существу новую страницу в обширной литературе о наследии Ш. Б. Ногмова. Сомнительным представляется, однако, тезис о том, что Ш. Б. Ногмов не претендовал на достоверность преподносимого материала, мало того, сознательно в пропагандистских целях допускал его искажение. Кажется, никто не считал раньше, не считает и теперь, что материал «Истории адыгейского народа» следует принимать за чистую монету, что он не требует критического отношения, проверки и уточнения⁹. Но сама постановка вопроса, в соответствии с которой труд Ш. Б. Ногмова следует обязательно считать или историческим «в современном понимании» (!?) или литературным памятником («просветительской», «пропагандистской» литературой) представляется неверной в корне. Такой альтернативы, вообще говоря, нет. Кстати, автор сам и не раз об этом пишет¹⁰. Но это не мешает ему утверждать и доказывать, что «История» Ш. Б. Ногмова некогда была, а теперь, с возникновением научной истории, *перестала быть* историческим сочинением. На наш взгляд, решение вопроса о жанровой специфике «Истории адыгейского народа» значительно проще: это и исторический труд, и литературный памятник одновременно. В этом качестве он был и остается источником сведений по истории и этнографии адыгов. Вопрос о происхождении и статусе источников научного, исторического исследования — один из важнейших в числе затронутых в книге, что в общем весьма знаменательно. Но считая пригодной для реконструкций исторических событий песню, в частности «Песню большого ночного нападения» — ее разбору посвящается целый раздел книги — и пренебрегая трудом Ш. Б. Ногмова, автор снова противоречит себе. Ведь «История адыгейского народа» написана преимущественно на фольклорном материале, на материале исторических песен и преданий, которые, по признанию самого З. М. Налоева, «правдиво отражали конкретные исторические события (факты, имена, топонимику) в некоторых основных их параметрах» (1, с. 111). Следует в связи с этим заметить, что Ш. Б. Ногмову в отдельных случаях удалось с поразительной точностью восстановить некоторые политические события XVII—XVIII вв. Здесь, как явствует из ряда работ последних лет, материалы «Истории» согласуются с архивными данными.

Но что можно сказать по поводу самого толкования вышеуказанной песни в плане ее соответствия историческим событиям XVIII в.? Здесь исследовательский талант З. М. Налоева проявился во всей полноте. Он анализирует шаг за шагом каждую строку, порой каждое слово песни и устанавливает, что она отражает исторические события 1779 г., а именно столкновения кабардинцев с царскими войсками после Кучук-Кайнаджирского мира (1774 г.). Основное внимание З. М. Налоев уделяет здесь опять-таки личности дружинных певцов, создавших песню «Большого ночного нападения», хранителей наиболее важных событий в жизни народа, а также проводников определенных политических идей. Но наряду с этим в песне выявляются очень важные детали указанных событий, такие, например, которые не отражены, в частности, ни у П. Г. Буткова¹¹, ни у последующих историков, опирающихся в своей работе на архивные данные.

Многочисленные песни и предания адыгов, надо заметить, еще не изучены в плане выяснения содержащейся в них информации об этнической, социально-политической и культурной истории Черкесии. З. М. Налоев дал в книге пример настоящего научного анализа связей адыгского фольклора с историей¹². Следует ожидать, что он будет подхвачен другими учеными.

Особого внимания заслуживает раздел о деятелях Баксанского просветительского центра во главе с Н. А. Цаговым и А. Г. Дымовым. Он построен на богатом, многообразном фактическом материале, по крупицам собранным из книг и газет, выпущен-

⁹ Первый анализ противоречий и неточностей «Истории адыгейского народа» был дан более ста лет назад А. Кешевым; в настоящее время много внимания этому уделяет Л. И. Лавров. См.: *Кешев А.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым. — Кавказский календарь, Тифлис, 1862 (перепечатано в газете «Терские ведомости», 1869, № 32, а также в сб. «Избранные произведения адыгских просветителей». Нальчик: Эльбрус, 1980); *Лавров Л. И.* Об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора. — Сов. этнография, 1969, № 2; *его же.* Еще об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора: Кавказский этнографический сборник. В. VII. М.: Наука, 1980.

¹⁰ Ср., например «...было бы неправильно, преувеличивая просветительскую сторону или черту ногмовского труда, отрицать его значение как исторического сочинения» (1, с. 148).

¹¹ См. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 2. СПб., 1869.

¹² То же следует сказать и об отдельных реконструкциях З. П. Кардангушева. См., например, его интересные обобщения и блестящий анализ песен, преданий и архивных источников, позволивший ему установить дату рождения и смерти национального героя Кабарды Антемыркана. — Адыгэ уэрэдыжхэр (Старые песни адыгов). Нальчик: Эльбрус, 1979, с. 158—165.

ных А. Г. Дымовым и Н. А. Цаговым накануне и сразу после Великой Октябрьской социалистической революции.

Пользуясь религиозной, мусульманской фразеологией, деятели Баксанского просвещения прививали массам интерес к знаниям, образованию, идеализировали прошлое и призывали к национальному возрождению. Это говорит о противоречивости их взглядов. Но по существу своему деятельность Баксанского просветительского центра была реакцией на бесправное положение кабардинского народа, безграмотность населения, узость и примитивность взглядов аристократии. Творчество лучших представителей центра можно считать и своеобразным откликом прогрессивно настроенной интеллигенции на революцию (первая из восьми газет «Адыгэ макъ» — «Адыгский напев» вышла в декабре 1917 г.). Известно, что А. Дымов, Н. Цагов и их сподвижники не имели четкой политической программы, но они, по словам З. М. Налоева, мыслили себя борцами за торжество разума и знаний на родной земле (1, с. 166).

Анализ публикаций деятелей Баксанского просвещения подкупает своей глубиной. Автор стремится проникнуть в каждую деталь имеющихся в его распоряжении текстов, точнее определить специфику мировосприятия, миропонимания зарождающейся адыгской интеллигенции. В частности, обращает на себя внимание замечание о том, что ее лучшие представители сознательно обходили молчанием аристократию, адыгских князей и полководцев, память о которых еще жива в народе. Они прославляли и пропагандировали новый тип личности — мудреца, энциклопедиста, гуманиста и в силу этого сами, надо полагать, претендовали на это высокое звание. Деятельность Н. Цагова, А. Дымова, Х. Купова, Х. Тлепцера и других представителей Баксанского просветительского центра была, таким образом, последним (в рамках предреволюционной истории) звеном в историческом развитии творческой личности у адыгов. Но в народе были живы традиции устного народного творчества; некоторое время они преобладали и после революции. Не ушли еще со сцены социальной жизни популярные джегуако. Им, этим поздним, последним народным певцам посвящает автор значительную часть своей второй книги. Анализируя творчество Кильчуко Сижажева, Индриса Кажарова и других джегуако, автор рассматривает сложные процессы зарождения письменной литературы и появления на общественной арене личности поэта в современном смысле слова.

З. М. Налоев, как мы видим, предлагает оригинальную, динамическую концепцию развития личности, основанную на методологических принципах марксистской науки, на конкретном фольклорном, этнографическом и историческом материале. В книге предпринята попытка, в целом безусловно успешная, ответить на такие вопросы, которые ранее даже не ставились. Заслуга З. М. Налоева состоит, повторяем, не столько в открытии новых феноменов культуры, сколько в новом способе их понимания и истолкования. На нынешнем этапе исследований традиционной культуры адыгов это, как было сказано в самом начале, представляется особенно важным.

Б. Х. Бгажноков

НАРОДЫ СССР

М. Н. Губогло. Развитие двуязычия в Молдавской ССР. Под ред. Ю. В. Арутюняна, Кишинев: Штиинца, 1979, 160 с.

Интерес общественности к проблемам двуязычия, широко распространенного среди наций и народностей СССР, вполне закономерен, так как сегодня, в условиях развитого социализма эти проблемы имеют как теоретическое, так и практическое значение. Двуязычие сказывается на общественном и экономическом развитии всего нашего общества и прежде всего на социально-культурном развитии народов нашей страны. Поэтому возникает потребность и в теоретическом осмыслении этого явления, и в разработке практических реконструкций. В истекшем десятилетии в ряде союзных и автономных республик страны намечено провести конкретно-социологические исследования, в том числе по изучению факторов и условий распространения двуязычия среди различных социально-демографических групп городского и сельского населения. В ряду этих исследований, бесспорно, видное место занимают этносоциологические исследования, осуществленные сотрудниками Института этнографии АН СССР в Молдавии, Грузии, Узбекистане, Эстонии и в ряде других республик по проекту «Оптимизация социальных и культурных условий развития и сближения наций СССР» (автор проекта Ю. В. Арутюнян). В программе этих исследований значительное внимание было уделено языковым аспектам современных этнических и национальных процессов.

Рецензируемая книга М. Н. Губогло подготовлена по материалам переписей населения СССР и данным ведомственной статистики с учетом итогов этносоциологических опросов, в проведении которых он принимал участие. Уместно напомнить, что именно в Молдавской ССР, которой и посвящена рецензируемая книга, началось осуществление вышесказанного проекта. Вместе с тем, как видит читатель, анализ важнейших тенденций двуязычия в Молдавской ССР дополнен данными и по другим республикам, что придает сделанным в книге выводам и обобщениям известную универсальность.

Это относится, прежде всего, к тем типам двуязычия, в которых вторым языком выступает русский, ставший в условиях зрелого социализма важным средством укрепления дружбы и сотрудничества всех братских народов. Приведенный в книге фак-